

УДК 304.2

DOI: 10.34670/AR.2025.77.55.004

Онтология негативности и гносеология распада: поэтический универсум Егора Летова как опыт познания Ничто

Краснов Антон Сергеевич

Доктор философских наук,
профессор кафедры общей философии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 35;
e-mail: anton-krasnov1987@yandex.ru

Сайкина Гузель Кабировна

Доктор философских наук,
профессор кафедры общей философии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 35;
e-mail: guzel.saykina@kpfu.ru

Федотов Дмитрий Леонидович

Аспирант, кафедры общей философии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 35;
e-mail: fedot1917@yandex.ru

Аннотация

В статье предпринимается попытка философско-антропологического анализа поэзии Егора Летова, артикулируемых в качестве фундаментального высказывания о самой природе бытия и возможности познания в условиях тотального кризиса смысла. Сквозь оптику онтологии негативности (М. Хайдеггер, Ж.–П. Сартр) и гносеологических практик деконструкции (Ж. Деррида) исследуется проект радикального отрицания «наличного» мира как экзистенциальный путь к конструированию подлинной аутентичной реальности. Творческое наследие Егора Летова рефлексировано не как поэтика и эстетика протеста, но как строгая и системная попытка построения глубоко личной, авторской онтологии и гносеологии, исходящей из опыта распада, тотального абсурда имманентного одиночества. Поэзия Егора Летова предстаёт не как простое отражение бытия, но как сам акт «бытия-против», как форма последнего онтологического сопротивления, в которой акт познания совпадает с экзистенциальным жестом.

Для цитирования в научных исследованиях

Краснов А.С., Сайкина Г.К., Федотов Д.Л. Онтология негативности и гносеология распада: поэтический универсум Егора Летова как опыт познания Ничто // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Том 14. № 11А. С. 34-42. DOI: 10.34670/AR.2025.77.55.004

Ключевые слова

Летов, ничто, негативность, пустота, экзистенция, абсурд, субъект, философская антропология, деконструкция.

Введение

Творческое наследие Егора (Игоря Фёдоровича) Летова традиционно редуцируется до уникального, но лишь музыкального феномена андеграундной рок-поэзии или политического протеста. Но подобный подход обмирщает и выхолащивает подлинное философское измерение. Егор Летов – не просто поэт, музыкант, для кого-то «голос поколения», но мыслитель, чьё наследие представляет собой завершённый онтологический и гносеологический проект. Поэзия Летова – практика предельно радикального вопрошания о бытии, которая звучит из самого сердца небытия, из личного опыта краха всех традиционных идеологических, социальных и метафизических систем. Вопрошание Летова не есть вопрошание академическое, но поэтическое, аффективное, что делает его онтологию достоверным актом личного бытия, поскольку это не спекулятивное размышление о кризисе в понятийно-категориальном векторе, но сам кризис, ставший речью. Мы попытаемся реконструировать онтологические и гносеологические начала мира Егора Летова, прочитав его стихи, как метафизический трактат. Основополагающая гипотеза нашего исследования состоит в том, что центральным онтологическим событием у Егора Летова является Ничто (*das Nichts*) [Молчанов, 2020], а основной гносеологической практикой и стратегией – деконструкция собственного сознания и языка, как единственный путь достижения подлинности экзистенции. Мы проследим, каким именно образом тотальное отрицание конституируется и раскрывается как новое и чистое пространство смысла, как акт познания становится тождеством акту экзистенциального саморазрушения.

Основная часть

Отправной точкой онтологии Егора Летова является констатация факта не подлинности бытия наличного, «данного» мира – «пластмассового мира», который «победил» [Летов, 2011, 241]. И если говорить языком М. Хайдеггера, этот мир есть реальность *das Man* [Самойлова, 2024], где само пространство соткано из симуляции, а субъект редуцирован до примитивной функции. Но Летов не останавливается на социальной критике, его диагноз этому миру гораздо глубже: само бытие не подлинно, поскольку оно поработщено и опосредовано тотально чуждыми ему структурами – политической идеологией, языковыми играми и социальными ритуалами. И в ответ Летов предлагает стратегию не поиска подлинного бытия, а погружение в Ничто, как единственную истинную и достоверную онтологическую реальность. Такое погружение у Летова принимает форму радикального отрицания: «*Винтовка – это праздник!... Ширится всемирный обезумевший фронт, Пощады никому, никому, никому!*» [Летов, 2011, 243]. Но для Летова подобный жест не является нигилизмом в его вульгарном смысле, напротив, это подлинная онтологическая операция, аналогичная хайдеггеровскому «положению в ничто» (*Nichtung*) [Хайдеггер, 2020, 118], которое «остаётся потаенным или опять соскальзывает в сокрытость или кажет себя лишь "искаженным"» [Хайдеггер, 1997, 35]. Уничтожая всё «наличное», Летов раскрывает пространство для явленности подлинного бытия как такового, но

только в форме тотальной пустоты. И «праздник» — это глубокое переживание онтологии свободы, обретаемой посредством погружения в распад. И ключевым экзистенциальным событием, которое подтверждает эту онтологию является смерть. Парадоксально, но у Летова она не просто конечная точка бытия человека, но фундаментальное условие «существования» подлинного, лишённого абсурда: *«Ты умеешь плакать – ты скоро умрёшь Кто-то пишет на стенах – он скоро умрёт У неё есть глаза – она скоро умрёт Скоро станет легко – мы скоро умрём»* [Летов, 2011, 177]. И смерть выступает как единственная и финальная истина бытия. Осознание собственной смертности как «бытия-к-смерти» [Хайдеггер, 2020, 283] извлекает индивида из потока повседневного существования, наделяет его уникальной остротой зрения. Истинное познание чего-либо возможно только как познание его в качестве умирающего. Гносеология Летова не может быть отделена от онтологии конечности всего.

Если традиционная философская теория познания исходит из презумпции целостного и самотождественного субъекта познания – *cogito*, то Летов предлагает иную, радикальную модель. Для него гносеология возможна лишь посредством деконструкции субъекта и познания через самоуничтожение. Сам субъект познания у Летова не един, не целостен, он мужествен, раздроблен, он «голосит» из эпицентра стай разных, не перекликающихся голосов: *«Воробьиная Крошечная Пронзительная Хищная Отчаянная стая голосит во мне»* [Летов, 2011, 296]. Сам «распад» субъекта, не является патологией, но становится гносеологической стратегией. Только через распад, расщепление, отказ от целостного бытия «Я», субъект может увидеть изнутри те механизмы, которые его конструируют – идеологические, языковые, психические. Примечательно, что это перекликается с антипсихиатрией Р. Д. Лэинга, для которого шизофреническая деградация психики индивида есть путь к подлинному «Я», «Понятие шизофрении – это оковы, сковывающие пациентов и психиатров. <...> Для того чтобы сидеть в клетке, не всегда нужны прутья. Определённого рода идеи также могут стать клеткой» [Власова, 2010, 85]. Также прослеживается прямая корреляция с концепцией шизоанализа Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Больше нет ни природы, ни человека, есть лишь процесс, который производит одно в другом и состыковывает машины. Повсюду производящие и желаемые машины, шизофренические машины, целая порождающая жизнь; я и не-я, внешнее и внутреннее больше ничего не значат. [Делез, Гваттари, 2007, 14]. И главной фигурой, завершившей своё становление в тотальном распаде у Летова, становится «психонавт», отдалённо напоминающий «шизо» – исследователь внутренних горизонтов своего «Я», разбитого на мириады осколков; он добровольно отправляется в дрейфование по волнам океана своего психоза и бессознательного: «Так значит – слава Психонавтам! Слава Пионерам! Ура – Первопроходцам Своих одиночных пространств Своих беспримерных глубин» [Летов, 2011, 254]. Для Летова психонавт – новый тип познающего субъекта, для которого единственным и желанным объектом познания становится само Ничто, внутренняя личная «пустота». Главным инструментом познания становится не логика (формальная или диалектическая), но аффект, не *ratio*, а иррациональный прорыв за горизонт личной субъективности. И целью такого познания является не истина, не накопления знаний, как иерархизированного фактологического материала, а индивидуальное преображение в имманентном и бесконечном катарсисе.

Главным онтологическим концептом, к которому приводит индивидуальная практика распада является Пустота. Но у Летова, Пустота не артикулируется как отрицательная категория, а является положительной, творческим и всеобъемлющим Ничто, подобно Апейрону Анаксимандра: *«Вселенская Большая Любовь Моя бездонная копилка в пустоте... Моя*

секретная калитка в пустоте... Моя волшебная игрушка в пустоте» [Летов, 2011, 482]. Пустота Летова онтологична: она есть «копилка» - хранилище и источник. Она гносеологична: она есть «калитка» - проход, способ доступа к желанной истинной реальности. И она глубоко экзистенциальна: она – игрушка - объект и состояние игры свободного, а не утилитарного и прагматического отношения к миру. «Вселенская большая любовь» - не обычный эмоциональный порыв, это особый модус бытия-и-познания, обретаемый только в сиянии бесконечной пустоты. Это особое состояние, в котором снимается бинарная оппозиция субъекта и объекта, познающего и познаваемого. Акт познания не является присвоением, овладением объектом познания, напротив – познать – значит раствориться в объекте познания, стать им. Это мистический акт, где знание тождественно горькому экзистенциальному опыту распада, тождественно любви и единению с Ничто.

Сам текст «Русское поле экспериментов» является центральным ядром всей онтологии и гносеологии Летова, применённой к историческому и антропологическому материалу. Это фундаментальная онтология насилия и исторической травмы. Это пространство, в котором метафизические эксперименты по деконструкции субъекта стоят выше всего культурного наследия: *«Трогательным ножичком пытаться свою плоть До крови прищемить добровольные пальцы Отважно смакуя леденцы на палочке... Покончив с собою - уничтожить весь мир ПОКОНЧИТЬ С СОБОЮ – УНИЧТОЖИВ ВЕСЬ МИР!»* [Летов, 2011, 248]. «Трогательный ножичек» - летовская метафора на основной инструмент познания через самоистязание, аутодекструкцию. Познать свою «плоть» как нечто материальное, историческое, психическое, возможно только посредством «пытки», доведения себя до предела. Онтологическое следствие акта самопознания через боль – тотальное уничтожение мира, коллапс бытия всего сущего. Уничтожение мира через уничтожение себя. Но это не банальный призыв к суициду, а метафизический принцип: мир, как объективная реальность существует только в связи с поддерживающим его «Я». Разрушить, взорвать собственное «Я» — значит разрушить мир в его наличной, неподлинной форме бытия. Далее Егор Летов даёт сжатую характеристику самому «полю экспериментов»: «География подлости Орфография ненависти Апология невежества Мифология оптимизма» [Летов, 2011, 248]. Он не просто перечисляет пороки или диагностирует их. Это гносеологические категории искажённого сознания. «География подлости» - пространство признанное и познанное через призму предательства; «Орфография ненависти» - язык, сконструированный аффектом отрицания; «Апология невежества» - система знания, основанная на отказе от всякого знания; «Мифология оптимизма» - способ восприятия времени, основанный на отрицании трагедии бытия. Русское поле экспериментов Летова – метафизическая лаборатория, где подвергаются испытанию и проверке сами онтологические пределы человеческой природы и познания в условиях тотальной травмы.

«За открывшейся дверью – пустота Это значит, что кто-то пришёл за тобой Это значит, что теперь ты кому-то Понадобился» [Летов, 2011, 248]. Финал парадоксален. Пустота за дверью обретает субъектность («кто-то пришёл»). Акт предельного отрицания и самоуничтожения не приводит в Ничто, но порождает новую, ужасающую форму бытия-для-другого – «ты кому-то понадобился». Кажущийся гносеологический тупик становится новым, глубоко травмированным, сломленным, но всё же отношением. Гносеологический инструментарий Летова воплощается в самой ткани языка его поэзии. Язык для Летова не является устоявшимся средством описания мира, он является оружием его тотального уничтожения и созидания запредельно нового и сияющего мироздания в имманентной Пустоте

индивида. Самая известная песня Егора Летова – «Всё идёт по плану» построена на карнавальном перевёртыше бахтинского типа [Кораев, 2021]. Лозунг тотального контроля и плановости советской реальности используется для описания тотального распада: «*А наши батюшка Ленин совсем усон Он разложился на плесень и на липовый мёд А перестройка всё идёт и идёт по плану*» [Летов, 2011, 197]. Абсурд элиминирует логические связи идеологического языка, демонстрируя его бессмысленность. Это интересный гносеологический приём: посредством доведения логики системы до тотального абсурда, вскрывается и познаётся её истинная – разрушительная – природа. Знаменитое летовское «*Всё летит в...*» – не просто общенная лексика, а философская формула: она выступает как акт языкового терроризма против любой трансцендентальности, против любого экзальтированного означающего. Общенная лексика резко редуцирует любое явление до телесного базиса, до онтологического основания, каким бы грубым оно не было. Подобный язык не описывает распад, он сам им и является, и его задача состоит в тотальном очищении места старой реальности для новой реальности Пустоты. Мантрические повторы одних и тех же строк – «Слава Психонавтам!», «Всё идёт по плану», «Никто не проиграл» - выполняют функцию медитативного погружения в состояние, которое они обозначают. Посредством повтора слово теряет свою формальную семантическую функцию и обретает подлинную силу бытийной телесности. Познание у Летова происходит не через рациональное понимание, а через вхождение в ритмическое состояние транса.

Тотальная единичная «шизофрения» является методом Егора Летова. И наиболее продуктивным и неочевидным модусом философского прочтения его наследия – анализ сквозь призму концептуального пространства Ж. Делёза и Ф. Гваттари, в частности их ключевых концептов – «шизофрении» как революционного процесса и «Тела без органов» [Делез, Гваттари, 2007, 24] (далее – ТБО). Французские мыслители противопоставляют паранойяльный тип организации социума, имманентно стремящийся к иерархии своих структур, перманентному кодированию и подавлению желания, и «шизофренический» поток – процесс непрерывного детерриториализующего бегства от иерархичной тотальности, к взлому кодов и производства желания как имманентной освобождающей силы [Делез, Гваттари, 2010, 29]. Само творчество Егора Летова – воплощение «шизофренического» процесса в буквальном философском смысле. Поэтический язык и поэтические приёмы Летова – это не выражение наличного «Я», но работа «машины желания», производящей новые синтезы, уничтожающей на своём пути любую попытку однозначной единичной интерпретации: «*Луна – словно репа, а звёзды – фасоль Спасибо, мамаша, за хлеб и за соль Души корешок, а тела – ботва Весёлое время наступает, братва!*» [Летов, 2011, 269]. Здесь происходит «шизофреническое» соединение несочетаемых, разрозненных элементов: космического (луна и звезды) и примитивного, бытового (репа, фасоль). Сложно это назвать метафорой в классическом смысле, поскольку это демонстрация машинного соединения, производящего новый и взрывной смысл. Летов не собирается описывать мир, ему неприятно быть очередным трубадуром эпической банальности, он взламывает его и пересобирает заново, но согласно законам желания, а не формальной логики. Его «весёлое время» - торжество шизофренического потока над паранойяльной организацией «пластмассового мира».

Конечной целью шизофренического процесса, согласно Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, является конструирования ТБО – не биологического организма, где все функции пред-заданы эволюционными механизмами живой природы, а декодированного, интенсивного тела, чистой

плоскости имманенции, на которой свободно обращаются желания и интенсивности. Одним из ключевых образов Летова является – «Вечная весна в одиночной камере» [Летов, 2011, 296], как точный поэтический эквивалент ТбО. Образ одиночной камеры – смоделированное ТбО: пространство, освобождённое от социальных догм и организмов – государство, церковь, семья. Оно свободно от любых дисциплинарных практик и кодов. Это гладкое пространство, где сам субъект не «организован» внешними репрессивными силами, а существует как чистая интенсивность – «вечная весна». «Одиночная камера» не место тюремного заключения за правонарушения, но территория абсолютной свободы и тождественно-печальной свободы, она – добровольное самоизгнание и самоограничения от «оргазмического» террора внешнего мира. Процесс конструирования ТбО напрямую связан, согласно мысли Летова, с процессом самоистязания, что также соответствует формуле Ж. Делёза и Ф. Гваттари: «Вы раздуете сами себя, вы утратите контроль, вы будете на плане консистенции, в теле без органов, но там, где вы не прекратите упускать их, опустошать их, уничтожать то, что вы сделали, неподвижные лохмотья» [Делез, Гваттари, 2010, 473]. Это напрямую перекликается с «Русским полем экспериментов» – «Трогательным ножичком пытаться свою плоть» (Русское поле экспериментов). Это и есть добровольный акт нанесения страдания организму, чтобы прорваться к наличному бытию ТбО, к той самой желанной «пустоте», которая становится плоскостью неограниченных возможностей.

Иной ключевой концепт Ж. Делёза и Ф. Гваттари – «машина войны» [Делез, Гваттари, 2010, 358]. Это не банальный аппарат насилия и принуждения силой со стороны государства, но, напротив, внешняя по отношению к нему номадическая сила, чья структура ризоматична, а целью является сопротивления государственному аппарату захвата. «Винтовка – это праздник!» – летовский гимн подобной машине войны: «Винтовка – это праздник! Всё летит в... Ширится всемирный обезумевший фронт!» – «обезумевший фронт» — это и есть номадическая, децентрированная и ризоматическая «машина войны», которая противостоит на огневом рубеже не конкретной армии, но самому паранойяльному типу организации. Оружие этой машины – не винтовка, как таковая, но сам праздничный, фактически карнавалый жест тотального отрицания. Это не битва одной из войн за обозначенную территорию, но апокалиптическое сражение за детерриторизацию и за освобождения желания. Летов – не просто бунтарь, но практик новой формы коллективности, не прежней тоталитарной массы, а номадической формации, сконструированной ризоматически, а не иерархически.

Если онтология Егора Летова является онтологией Ничто, то его антропологическим проектом становится конструирование ТбО, а гносеологией является гносеология предела, где акт познания тотально тождественен акту экзистенциального предела – смерти, и последующем воскрешении в ином качестве. «Познать нечто» для Летова означает пройти через его тотальное уничтожение и собственное самоуничтожение. Это особенно ярко и с надрывом звучит в «Когда я умер»: *«Когда я умер Не было никого Кто бы это опроверг»* [Летов, 2011, 239]. Это не банальная констатация факта физической смерти, но предельный гносеологический акт. Только «умерев» для наличного мира, для Другого – «не было никого», субъект обретает окончательную и беспрецедентную в своей неопровержимости достоверность личного опыта. Его смерть – это то, единственное, что нельзя никак оспорить, а значит, это и есть фундамент самого предельного и достоверного знания. Это радикальное переименование картезианского сомнения: *cogito ergo sum* доводится до своего предела – *morior ergo sum* – я умираю, следовательно, я существую. Акт познания-смерти является необходимым условием для

последующего воскрешения и преображения – обретения нового модуса бытия, который не будет прежним «Я», но будет чем-то иным: «льдом», «психонавтом», «белым солдатом»: «И мы – лёд под ногами майора!.. Пока мы существуем – будет злой гололёд И майор поскользнётся, майор упадёт...» [Летов, 1987]. Подлинно познав личную «смерть» как уничтоженное и унижаемое «Я», субъект превращается в неорганическую, но эффективную силу сопротивления. Его знание больше не является внутренним свойством, оно становится предельно, вульгарно-материальной, де-факто «физической» силой («злой гололёд»), элементом самой реальности, который невозможно игнорировать.

Выводы

В заключение отметим, что онтология и гносеология Егора Летова, прочтённые через призму самых радикальных философских концепций XX столетия, предстают перед нами не как бессмысленный и хаотичный бунт, но как последовательная, но безусловно выраженная в предельно аффективной поэтической форме. Проект Летова – философский катарсис в самом изначальном смысле: очищение посредством страдания и ужаса самого бытия. Летов проводит за собой своего слушателя через мрак и боль распада, через сострадание и понимание к униженному, через личный опыт Ничто – к обретению новой, невероятной формы свободы, которая возможна только на противоположном краю тотального отчаяния и одиночества. Летов – не просто современник Ж. Делёза, М. Фуко или М. Хайдеггера, но их специфический поэтический «двойник», который совершал ту же работу по деконструкции субъекта, но не посредством академических текстов и выпрессованного стиля, а в перформативных поэтических жестах, в крике и в глухом шёпоте. «Одиночная камера» Егора Летова – пространство новой субъективности, его «вечная весна» – онтологическое состояние, достигнутое после прохождения через Ничто, а его «психонавты» – новый авангард человечества, те, кто способен к познанию через саморазрушение и пересборку на новых основаниях. В этом контексте философское значение Егора Летова выходит далеко за рамки своего времени и культурного контекста позднего Советского Союза и ужасов 90-х годов, предлагая универсальный, но крайне радикальный инструментарий для мысли и жизни в условиях вечного кризиса.

Библиография

1. Власова О. А. Жан-Поль Сартр и антипсихиатрия или как социальная теория проникла в науку о душевных болезнях // Хора. 2010. № 1/2 (11/12). С. 71–86.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
4. Кораев Г. Т. Биополитическое основание теории карнавала М. Бахтина // Философия. Журнал высшей школы экономики. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biopoliticheskoe-osnovanie-teorii-karnavala-m-m-bahtina>
5. Летов Е. «Мы — лёд» [Электронный ресурс]. 1987. URL: <https://www.gr-oborona.ru/texts/1056907572.html>
6. Летов Е. Стихи. М.: ООО «Выргород», 2011. 548 с.
7. Молчанов В. И. Метафизика ничто и знаки препинания: Хайдеггер, Кант, Карнап // Философский журнал. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafizika-nichto-i-znaki-prepinaniya-haydegger-kant-karnap>
8. Самойлова Я. В. Концептуализация повседневности у М. Хайдеггера и Р. Барта // Культура и искусство. 2024. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-povsednevnosti-u-m-haydeggera-i-r-barta>
9. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
10. Хайдеггер М. К философии (О событии) / пер. с нем. Э. Сагетдинова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 640с.

The Ontology of Negativity and the Epistemology of Decay: The Poetic Universe of Egor Letov as an Experience of Knowing Nothingness

Anton S. Krasnov

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor of the Department of General Philosophy,
Kazan (Volga region) Federal University,
420008, 35, Kremlyovskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: anton-krasnov1987@yandex.ru

Guzel' K. Saikina

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor of the Department of General Philosophy,
Kazan (Volga region) Federal University,
420008, 35, Kremlyovskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: guzel.saykina@kpfu.ru

Dmitrii L. Fedotov

Postgraduate Student, Department of General Philosophy,
Kazan (Volga region) Federal University,
420008, 35, Kremlyovskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: fedot1917@yandex.ru

Abstract

The article undertakes an attempt at a philosophical-anthropological analysis of Egor Letov's poetry, articulated as a fundamental statement about the very nature of being and the possibility of knowledge under conditions of a total crisis of meaning. Through the optics of the ontology of negativity (M. Heidegger, J.-P. Sartre) and epistemological practices of deconstruction (J. Derrida), the project of radical negation of the "existent" world is investigated as an existential path to constructing an authentic reality. Egor Letov's creative legacy is reflected not as a poetics and aesthetics of protest, but as a strict and systematic attempt to build a deeply personal, authorial ontology and epistemology, proceeding from the experience of decay, total absurdity, and immanent solitude. Egor Letov's poetry appears not as a simple reflection of being, but as the very act of "being-against," as a form of ultimate ontological resistance, in which the act of knowing coincides with an existential gesture.

For citation

Krasnov A.S., Saikina G.K., Fedotov D.L. (2025) Ontologiya negativnosti i gnoseologiya raspada: poeticheskiy universum Egora Letova kak opyt poznaniya Nichto [The Ontology of Negativity and the Epistemology of Decay: The Poetic Universe of Egor Letov as an Experience of Knowing Nothingness]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 14 (11A), pp. 34-42. DOI: 10.34670/AR.2025.77.55.004

Keywords

Letov, nothingness, negativity, emptiness, existence, absurd, subject, philosophical anthropology, deconstruction.

References

1. Deleuze, G., & Guattari, F. (2007). *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. U-Faktoriia.
2. Deleuze, G., & Guattari, F. (2010). *Tysiacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. U-Faktoriia; Astrel'.
3. Heidegger, M. (1997). *Bytie i vremia* [Being and Time]. Ad Marginem.
4. Heidegger, M. (2020). *K filosofii (O sobytii)* [Towards Philosophy (On the Event)]. Izdatel'stvo Instituta Gaidara.
5. Koraev, G. T. (2021). Biopoliticheskoe osnovanie teorii karnavala M. Bakhtina [The biopolitical basis of M. Bakhtin's carnival theory]. *Filosofii. Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki*, (2). <https://cyberleninka.ru/article/n/biopoliticheskoe-osnovanie-teorii-karnavala-m-m-bakhtina>
6. Letov, E. (1987). «My — led» ["We are ice"]. <https://www.gr-oborona.ru/texts/1056907572.html>
7. Letov, E. (2011). *Stikhi* [Poems]. Vyrgorod.
8. Molchanov, V. I. (2020). Metafizika nichto i znaki prepinaniia: Khaidegger, Kant, Karnap [Metaphysics of nothingness and punctuation marks: Heidegger, Kant, Carnap]. *Filosofskii Zhurnal*, (3). <https://cyberleninka.ru/article/n/metafizika-nichto-i-znaki-prepinaniya-haidegger-kant-karnap>
9. Samoilova, Ia. V. (2024). Kontseptualizatsiia povsednevnosti u M. Khaideggera i R. Barta [Conceptualization of everyday life by M. Heidegger and R. Barth]. *Kul'tura i Iskusstvo*, (9). <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-povsednevnosti-u-m-haideggera-i-r-barta>
10. Vlasova, O. A. (2010). Zhan-Pol' Sartr i antipsikhiatriia ili kak sotsial'naia teoriia pronikla v nauku o dukhevnykh bolezniakh [Jean-Paul Sartre and antipsychiatry, or how social theory penetrated the science of mental illness]. *Khora*, 1/2(11/12), 71–86.